

A man in a cowboy hat and armor stands on a balcony, looking out over a vast, snowy landscape. In the background, a large, ornate gothic cathedral with multiple spires and snow-covered roofs stands prominently. The scene is set in a cold, wintry environment with snow-covered mountains and buildings. The man is wearing a dark blue tunic with gold armor on his shoulders and a brown cowboy hat. The overall atmosphere is one of mystery and adventure.

Гастон Д'Эрелль

Княжич из Тени: Первые Заклинания

Гастон Д'Эрелль

**Княжич из Тени:
Первые Заклинания**

«Автор»

2025

Д'Эрелль Г.

Княжич из Тени: Первые Заклинания / Г. Д'Эрелль — «Автор»,
2025

Тайный сын свергнутого князя врывается в Академию магии, скрываясь под личиной купца. В мире, где ожили сказочные твари, а бояре плетут интриги, он ищет силу для мести. Но ледяные стены Вещего Шума хранят древние секреты, а первая любовь грозит сжечь все планы.

© Д'Эрелль Г., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1: Дорога в Небыль	5
Глава 2: Врата Вещего Шума	9
Глава 3: Первые Заклинания и Первые Враги	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Гастон Д'Эрелль

Княжич из Тени: Первые Заклинания

Глава 1: Дорога в Небыль

Холодный рассвет пробивался сквозь щели в срубе, выхватывая из полумрака пыльные дорожные сундуки и суровое лицо Гостомысла. Воздух в горнице ладожского купеческого дома был густ от запаха воска, кожи и немой тревоги. Лука, стоя у окна, сжимал в кулаке холодный металл – старый, истертый оберег в виде солнца с лучами-зигзагами, единственное, что осталось у него от настоящего отца. Шестнадцать лет. Шестнадцать лет жизни под чужой личиной, сына удачливого, но не самого знатного купца. Сегодня личина должна была стать броней.

– Лука! – Голос Гостомысла прозвучал резко, заставив юношу вздрогнуть. Приемный отец подошел, тяжело ступая по половицам. Его широкая рука легла на плечо Луки, и в ней чувствовалась не привычная грубоватая сила, а странная, почти дрожащая тяжесть. – Пора. Лошади ждут.

Лука обернулся. В глазах Гостомысла читалось то, что никогда не произносилось вслух: страх, гордость, безмерная жалость и леденящая душу осторожность.

– Помни все, сын? – спросил купец, понизив голос до шепота, хотя в доме кроме них никого не было. Верные слуги были отосланы под благовидным предлогом.

– Помню, отец, – отозвался Лука, и слово "отец" далось ему с привычной горечью. Гостомысл был добр, строг и справедлив, но он не был им. Не был князем Мирославом, чей образ, смутный и героический, жил в сердце Луки, как навязанная чужая сказка. Сказка с кровавым концом. – Я – Лука, сын Гостомысла, купца из Ладоги. Мать – Арина, из рода вольных древоделов, умерла при родах. Иду в Академию Вещего Шума по торговой ссуде гильдии, дабы познать магию оберегов для охраны караванов.

– Да, – кивнул Гостомысл. Его пальцы впились в ткань лукиной рубахи. – И больше ничего. Ни имени, ни крови, ни прошлого. Забудь, Лука. Забудь навеки, если хочешь жить. Там, куда ты идешь... – он махнул рукой в сторону окна, за которым виднелся туман, поднимающийся с Волхова, – ... глаза и уши есть у всех. Дети бояр, княжеские отпрыски, иноземцы... И среди них – те, чьи отцы вонзили нож в спину твоему... – Он запнулся, сглотнув ком. – В спину князя Мирослава. Один неверный шаг, одно неосторожное слово...

– Я не забуду, – тихо, но с такой сталью в голосе, что Гостомысл отшатнулся, проговорил Лука. Он поднял оберег, и холодный металл на мгновение будто согрелся в его ладони. – Я не забуду никого. Но я буду Лукой, сыном купца. Пока не придет время.

В глазах Гостомысла мелькнул ужас. Он всегда знал, что в этом хрупком с виду юноше живет неугасимое пламя мести. Но слышать это вслух... было страшно.

– Цель твоя – знания, Лука, – настаивал он, почти умоляюще. – Сила через магию. Союзники через ум и осторожность. Мечь... мечь придет позже. Если придет. Выжить – вот первая задача. Понял? Выжить и учиться.

– Понял, отец, – ответил Лука, пряча горящий взгляд под опущенными ресницами. Он сунул оберег за пазуху, туда, где он лежал на голой коже, рядом с сердцем. Холодок успокаивал жар ярости. – Знания. Сила. Союзники. Я помню.

Проводы были краткими и лишенными свидетелей. Гостомысл обнял Луку у крыльца, крепко, по-мужски, сунул в руку тяжелый кошель с серебром и медью – «на дорогу и первое обустройство». Лошадь под Лукой, крепкий мерин гнедой масти, нервно переминался с ноги на ногу, чувствуя напряжение хозяина. Выючная кобыла терпеливо ждала своей ноши.

– Пути-дороги, сынок, – прошептал Гостомысл, и голос его внезапно охрип. – Дай тебе Перун силы, а Велес – мудрости. И... берегись.

Лука лишь кивнул, не в силах вымолвить ни слова. Он тронул коня пятками, и животное двинулось шагом по знакомой улочке, мимо крепких срубов Ладоги, к выезду из города. Он не оглядывался. Оглядываться было нельзя. Позади оставалось детство, пусть и лживое, но относительно безопасное. Впереди лежала Небыль – Академия Вещего Шума и все, что она в себе таила: надежда, опасность и долгая дорога мести.

Дорога на юг, вдоль полноводного Волхова, сначала казалась мирной. Солнце, пробиваясь сквозь осеннюю листву, золотило воду. Воздух был напоен запахом грибов, влажной земли и дыма далеких починков. Лука ехал не спеша, стараясь слиться с редкими путниками – такими же купцами с охраной, крестьянами с возами, бродячими скоморохами. Он выглядел как обычный юноша из зажиточной семьи, отправленный учиться: добротный кафтан из крашеного сукна, прочные сапоги, за спиной – кошель с припасами и сверток с запасной одеждой. Только слишком внимательные глаза выдавали в нем нечто большее. Он впитывал все: особенности речи встречаемых, слухи, доносившиеся обрывками, расположение деревень и перелесков. Карта местности, которую он заучил по рассказам Гостомысла и немногим доступным свиткам, накладывалась на реальность.

К исходу третьего дня пути мирный пейзаж начал меняться. Лес по берегам Волхова становился гуще, древнее. Сосны и ели вздымались к небу темными исполинами, их корни, подобно каменным змеям, сползали к воде. Воздух стал прохладнее, тишина – глубже, нарушаемая лишь шелестом листьев под копытами коня, далекой песней птицы и вечным шумом реки. Дорога сузилась до тропы, петляющей меж мшистых валунов и буреломов. Солнце скрылось за плотной пеленой туч, нависших над лесом. Настроение Луки сгушалось вместе с небом. Здесь, в этом первозданном хаосе, чувствовалось иное, древнее присутствие. Он вспомнил страшные сказки няньки – о Лешем, хозяине леса, что сбивает путников с тропы, о Водяном, таскающем неосторожных на дно, о волколаках, рыскающих в ночи. В Академии, говорил Гостомысл, эти твари – не сказка. Они часть мира. Часть магии.

Именно в этот момент Лука почувствовал первый укол тревоги. Не страх, а именно тревогу – как щелчок по натянутой струне внутри. Конь под ним насторожил уши, зафыркал. Лука придержал поводья, всматриваясь в сумрак леса справа. Казалось, огромные ели сдвинулись плотнее, образовав непроницаемую стену. А тропа... тропа вдруг стала уклоняться влево, к самому обрывистому берегу Волхова, где черная вода клочкотала меж камней.

"Странно", – подумал Лука. Он отчетливо помнил, что еще полчаса назад тропа шла прямо, вдаль от реки. Он осадил коня, огляделся. Знакомых примет – старого дуба с обломанной веткой, камня, похожего на медвежью голову – не было. Вместо них – сплошная стена векового леса и зловещий поворот к воде. Сердце забилося чаще. Леший. Мысль пронеслась молнией. Хозяин леса играет с тобой.

Лука сделал то, что советовали бывалые люди: спешил. Он привязал коня к крепкой сосне подальше от обрыва, достал из выюка краюху хлеба и щепотку соли. С дрожащими руками (от страха или от гнева на эту невидимую помеху?) он положил хлеб на плоский камень у корней самой большой ели и посыпал солью.

– Хозяин лесной, – прошептал он, стараясь, чтобы голос не дрогнул, – не гнеvisь на путника. Прими хлеб-соль, дай дорогу ясную. Иду по делу важному, в обиду никому не дамся.

Тишина. Даже шум реки будто притих. Лишь ветер зашелестел в вершинах, словно злобно засмеялся. Лука замер, вглядываясь в лесную чашу. И вдруг... деревья словно вздохнули и плавно, почти незаметно, сдвинулись. Тропа, ведущая к губельному обрыву, исчезла. А прямо перед ним, между двух некогда сомкнутых сосен, открылся проход, уводящий вглубь леса, но параллельно реке, по безопасному склону. Лука выдохнул, промокший от холодного

пота. Он быстро вскочил на коня и поскакал по вновь открывшейся тропе, не оглядываясь. За спиной ему чудился тихий, довольный хохоток и запах прелой листвы и мха.

Чувство облегчения длилось недолго. Лес сгущался, сумерки спускались быстрее, чем Лука рассчитывал. Он решил остановиться на ночлег, найдя небольшое открытое пространство у ручья. Развел скромный костер, достал провизию. Усталость валила с ног, но уснуть он не мог. Лес вокруг был слишком живым. Шорохи, треск веток, неясные тени, скользящие в отблесках костра – все это держало нервы в напряжении. Оберег за пазухой казался ничтожной защитой.

Именно в этот момент волчий вой разорвал ночную тишину. Близко. Очень близко. Не один голос, а целая стая. Лошади взвились, заржали от ужаса, дергая привязи. Лука вскочил на ноги, схватив затупленный охотничий нож – единственное оружие, которое Гостомысл счел уместным для сына купца. Сердце бешено колотилось, кровь стучала в висках. Волки? Или...

Из тьмы леса, прямо в круг света от костра, выпрыгнул первый зверь. Но это был не волк. Гораздо крупнее. Шерсть – грязно-серые космы, глаза – горящие желтые угли в морде, больше похожей на человеческий череп, чем на волчий. Длинные клыки обнажились в рычащем оскале. За ним материализовались еще двое таких же чудовищ. Волколаки. Хуже волков. Хуже людей. Твари, в которых души проклятых или оборотней слились со звериной яростью.

Лука отпрянул к костру, держа нож перед собой. Жалкая заточка против трех монстров! Он знал, что бежать бесполезно. Мысли метались. Магия? Какая магия? Он ничего не умел! Только чувствовал иногда... щемление в груди, тепло от оберега... Волколаки, низко пригнувшись, медленно, уверенно окружили его. Слюна капала на лесную подстилку. В их взглядах читался не просто голод, а какая-то адская насмешка, осознанное зло.

Первый прыгнул. Лука инстинктивно отскочил в сторону, почувствовав ветер от когтистой лапы. Зверь врзался в тлеющие угли костра, взвизгнул от боли и ярости, но тут же вскочил, тряся обгоревшей шкурой. Двое других бросились одновременно. Лука отбивался ножом, отчаянно уворачиваясь. Один коготь все же зацепил его по руке, оставив глубокую, жгучую рану. Боль пронзила, смешалась с ужасом и внезапным, всепоглощающим гневом. Гнев на этих тварей, на лес, на убийц отца, на всю свою беспомощность!

– НЕГ! – закричал он не своим голосом, не от страха, а от чистой, белой ярости. И в этот момент оберег на его груди вспыхнул ослепительным, почти невыносимым светом! Не холодным, а жгучим. Волна невидимой силы, горячая и сокрушительная, вырвалась из него, как удар грома без звука.

Волколаки, готовившиеся к новому прыжку, вдруг взвыли от нечеловеческой боли. Их шкуры задымились, будто их ошпарили кипятком. Желтые глаза полыхнули диким страхом. Они отпрянули, забились, скуля, как побитые псы, и кинулись прочь в лес, исчезнув в мгновение ока.

Лука стоял, дрожа всем телом, обливаясь холодным потом. Рука сочилась кровью. Костер был разметан, лошади в ужасе рвали привязи. Вокруг воцарилась гробовая тишина. Он поднял дрожащую руку к оберегу. Металл был горячим, как уголек, но не обжигал. Свет погас, оставив после себя лишь слабое, едва заметное свечение, как у светлячка. Что... что это было? Он это сделал? Отчаяние и ярость... оберег... Тепло растекалось из груди по всему телу, смешиваясь с дрожью и болью от раны. Он посмотрел на свои руки. Ничего особенного. Но внутри бушевало море. Море силы и страха перед ней.

Остаток ночи Лука провел без сна, прижавшись спиной к огромному дубу, с ножом наготове. Волколаки не вернулись. Лес хранил пугающее молчание. На рассвете он кое-как перевязал руку чистым лоскутом, наскоро собрал вещи и, успокоив лошадей, двинулся дальше. Следы Лешего или волколаков больше не попадались. Дорога вела его все глубже в древний лес, к подножию невысоких, но неприступных на вид холмов, поросших темным хвойником. Согласно указаниям Гостомысла, здесь, где река делала крутую излучину, скрывался вход в Небыль.

Лука уже почти отчаялся найти его, когда тропа привела его к гигантскому, покрытому мхом и лишайником валуну, напоминавшему спящего каменного медведя. У его подножия журчал маленький, почти невидимый ручей, вытекающий прямо из-под камня. "Ищи камень-спящего, ищи воду, что из-под лапы течет", – вспомнил Лука наставление. Здесь. Он спешился, подвел коня к ручью. Что дальше? Говорить? Стучать?

Он достал из кошелька маленький, гладкий камушек – "камень зова", данный Гостомыслом. По инструкции, его нужно было бросить в ручей у самого истока. Лука наклонился, раздвинул папоротники. Вот он, крошечный грот, откуда била чистейшая вода. Он занес руку с камнем... и замер.

Его сердце бешено заколотилось. Не от страха, а от предчувствия. Он стоял на пороге. Пороге другой жизни. Пороге магии и мести. Глотнув воздуха, он бросил камень в темное отверстие. Камень звякнул о что-то твердое, исчез. Прошло несколько томительных секунд. Ничего. Лука уже подумал, что ошибся местом или обрядом, как вдруг...

Камень-спящий... зашевелился. Точнее, не сам камень, а мхи и лишайники на его поверхности начали медленно, как живые, сползать вниз, открывая гладкую, темную поверхность. На ней проступили светящиеся линии – древние, сложные узоры, похожие на сплетение корней, звезд и звериных следов. Они мерцали мягким серебристо-зеленым светом. Воздух затрепетал, наполнившись запахом озона, влажного камня и чего-то невыразимо древнего. Земля под ногами Луки слегка дрогнула. Перед ним, там, где была непробиваемая скала, разверзся проход. Высокий, арочный, обрамленный все теми же светящимися рунами. Из глубины веяло прохладой и тихим, едва различимым шепотом, похожим на гул сотен голосов или шум далекого водопада.

Лука стоял, замороженный, забыв о боли в руке, о страхе, о волколаках. Перед ним был путь в Вещий Шум. Сердце колотилось уже не от страха, а от восторга и ледяного ужаса перед неизведанным. Он сделал шаг вперед, ведя коня за повод. Тень арки поглотила его. Светящиеся руны на камне-спящем медленно погасли, мхи поползли обратно, смыкая проход. Через мгновение на том же месте снова стоял лишь древний, покрытый мхом валун, и журчал ручей. Как будто ничего и не было. Ладожский купеческий сын Лука исчез. Началось его восхождение в мире магии и теней.

Глава 2: Врата Вещего Шума

Холодная тишина прохода сменилась оглушительным Гулом.

Лука замер, ослепленный и оглушенный. Не физическим светом и звуком, а самой плотностью магии, обрушившейся на него волной. Воздух вибрировал, наполненный тысячью оттенков энергии: теплым дыханием земли, прохладной свежестью воды, резкими искрами огня, звенящей легкостью ветра и глубоким, дремучим гулом древнего леса. Он стоял на широком каменном мосту, перекинутом через бездонную пропасть, заполненную клубящимся, переливающимся всеми цветами радуги туманом. Гул исходил оттуда – шепот стихий, голоса камней, песня невидимых духов. Это был Вещий Шум, сердце Академии, давшее ей имя.

А перед ним, на другой стороне пропасти, вздымалась сама Академия.

Это не была крепость или дворец в привычном смысле. Это казалось продолжением скал, из которых она выросла. Гигантские, причудливо изогнутые стволы каменных "деревьев" образовывали своды залов и галерей. Между ними были вплетены настоящие, живые дубы и сосны невероятных размеров, их ветви поддерживали каменные балконы, а корни уходили вглубь скал, образуя естественные арки. Стены покрывали резные обережные знаки, светящиеся мягким, меняющимся светом – то зеленым, как молодая листва, то синим, как глубина омута, то золотым, как осенний лес. Крыши, покрытые не черепицей, а чешуйчатыми пластинами темного камня или живым мхом, сливались с окружающими скалами. Окна, похожие на глаза лесных духов, глядели на мир разноцветными стеклами-слезами. Над всем этим великолепием парили не птицы, а странные существа: сияющие, как самоцветы, птицы с женскими лицами (Алконосты? Сирины?), и бесшумные тени, похожие на летучих мышей размером с орла, но с острыми, умными мордами.

"Дом Духов. Древо Жизни. Каменный Лес..." – пронеслось в голове Луки. Ни одно описание Гостомысла не передавало этого величия и древней, дикой мощи. Он чувствовал себя песчинкой перед лицом вечности. Оберег на груди отозвался тихим теплом, будто здороваясь с этим местом.

– Эй, новичок! Не загораживай ворота! – грубоватый окрик вывел его из оцепенения.

Лука обернулся. По мосту сзади него шли люди. Много людей. Юноши и девушки его возраста и чуть старше, в одежде всех сословий и, судя по некоторым чертам лица и покрою платья, разных земель. Богатые кафтаны с меховой оторочкой, простые холщовые рубахи, кожаные куртки дружинников, странные, стеганные халаты с востока. Их сопровождали слуги, носившие сундуки, или, что удивительнее, сундуки плыли сами по воздуху в полусаге за хозяевами, управляемые сосредоточенными взглядами или едва заметными движениями рук. Говорили все сразу, на разных наречиях, смешивая славянскую речь с варяжскими гортанными звуками и южными, певучими оборотами. Энергия, исходившая от этой толпы, была почти осязаемой – волнение, высокомерие, страх, любопытство, надежда.

Лука поспешно отвел своего мерина в сторону, пропуская поток. Он чувствовал себя чужим, затерянным в этом шумном, магическом потоке. Его простая купеческая одежда, рана на руке (перевязанная грязным лоскутом) и одинокий вид сразу выделяли его среди многих, кто прибыл с охраной или слугами. На него бросали оценивающие, часто пренебрежительные взгляды.

– Ладожанин? – услышал он рядом насмешливый голос. Двое парней, одетых хоть и добротно, но без боярской роскоши, смотрели на него. Один – коренастый, с широким лицом и внимательными карими глазами, другой – худощавый, с острым взглядом и ироничной ухмылкой. – Один? Без челяди? Смело. Или бедно.

– Я – Лука, сын Гостомысла, купца из Ладоги, – ответил Лука, стараясь держать голос ровным, как учил приемный отец. Внутри клокотало: "Я – княжич!". Он подавил это чувство. – Достаточно силен, чтобы самому нести свои пожитки. – Он похлопал по выюку на кобыле.

– Смотри, Мирон, купеческий сын горд. Я – Святослав, сын дружинника из Пскова. А это Мирон, сын вольного пахаря с Ильменя. Сам добрались. Боярские щенки со свитой – не для нас. Идем вместе? Легче будет в этой толчее. Коренастый парень хмыкнул одобрительно, а худой ухмыльнулся шире:

Лука кивнул, с облегчением. Первая ниточка. Не союзники еще, но и не враги. "Дети незнатные, как я", – подумал он. Они присоединились к потоку, движущемуся к гигантским вратам Академии. Врата были вырезаны из цельного куска черного дуба, покрытого такими же светящимися рунами, как на камне-спящем. По бокам стояли двое стражей – не люди.

Один был похож на человека, но его кожа отливала корой дуба, а волосы и борода были сплетены из живых побегов плюща. В руках он держал посох, увенчанный горящим, но не сгорающим зеленым пламенем. Это был Древоидец, дух-хранитель леса.

Второй страж был еще необычнее – высокий, почти прозрачный, как струя воды. Его форма постоянно колебалась и переливалась, отражая свет. Вместо лица – водоворот. Водяник. Хранитель рек и омутов.

Они молча наблюдали за входящими, их нечеловеческие взгляды, казалось, проникали в самую душу. Лука почувствовал, как под этим взглядом оберег на его груди снова замерцал теплом. Он опустил глаза, стараясь выглядеть скромным купеческим сыном. Прошли.

За вратами открылся Главный Круг – огромная, круглая площадь под открытым небом, вымощенная гладкими, разноцветными камнями, образующими сложную мандалу. В центре бил фонтан – не вода, а чистый, переливающийся свет, принимавший формы то дерева, то орла, то дракона. Вокруг площади возвышались входы в разные "корни" Академии – огромные арки, ведущие вглубь каменного леса. Над каждой аркой светился символ и название на древнем, руническом славянском, который Лука с трудом разбирал: "Щит Перуна", "Пламя Сварожичей", "Сердце Макоши", "Кудесники Древа", "Поток Велеса", "Ладья Стрибога".

Толпу новичков остановили перед фонтаном света. Над ними, на высоком каменном выступе, появились трое.

Слева – мужчина, который мог сойти за варяжского конунга. Высокий, могучий, с рыжей бородой, заплетенной в косички, и холодными голубыми глазами. На нем была кольчуга поверх простой рубахи, но на плечах лежал плащ из шкуры какого-то магического зверя, переливающейся синевой. На поясе – не меч, но тяжелый боевой топор, покрытый серебряными узлами. Он излучал силу и дисциплину. Декан боевой магии, как сразу понял Лука. Рагнар, Сын Бури, как прошептал кто-то рядом.

Справа – женщина. Высокая, стройная, в длинном платье из ткани, сотканной из живых трав и цветов, которые цвели и увядали прямо на ней. Ее седые волосы были заплетены в сложную косу, украшенную шишками, перьями и сушеными ягодами. Лицо, изрезанное морщинами, дышало невероятной мудростью и спокойствием. Ее глаза, зеленые, как весенняя листва, казалось, видели насквозь. Ведунья Марена, наставница травничества, целительства и духов.

В центре стоял тот, кто затмевал всех. Архимаг. Он был невысок, почти тщедушен, в простом, сером, словно туманном, одеянии. Его лицо было скрыто глубоким капюшоном, из-под которого виднелась лишь длинная, седая борода. Но его присутствие... Оно наполняло весь Круг. Воздух вокруг него мерцал, пространство слегка искривлялось. Он не говорил, но его тихий голос звучал прямо в умах всех присутствующих, ясный и негромкий, как шелест страниц древнего фолианта:

"Добро пожаловать под сень Вещего Шума, ищущие Знания. Я – Велемудр. Вы пришли сюда, ибо в вас горит искра Дажьбожья, дар стихий и духов. Но дар – это семя. Здесь вы научи-

тесь его возвращать, направлять, служить ему и через него – Миру, что зовется Русью и землями вокруг."

Голос умолк на мгновение, давая проникнуть словам.

"Академия – не убежище от мира. Она – его отражение в капле росы. Здесь есть место знати и простолюдинам, славянам и иноземцам. Но помните: высокий род не дарует силы духа, а скромное происхождение – не клеймо слабости. Истинная сила – в воле, знании и чистоте помыслов. Здесь вы будете учиться не только заклинаниям, но и ответственности. Магия – река. Ее можно направить на благо или пустить под мельницу гордыни и зла. Выбор за вами."

Архимаг слегка повернул голову, и Луке показалось, что незримый взгляд из-под капюшона остановился именно на нем. На миг ему стало не по себе, как будто все его тайны лежали обнаженными. Но взгляд скользнул дальше.

"Сейчас вы пройдете Испытание Сути. Не бойтесь. Оно не причинит вреда. Оно укажет путь вашему дару, определит, к какому Содружеству вы принадлежите по духу и крови. За каждым Содружеством – свои пути познания магии, свои наставники, свои традиции. Идите за светом."

Велемудр поднял руку, затянутую в серый рукав. Из фонтана в центре Круга вырвались десятки сгустков чистого света – шаров, размером с кулак. Они замерли в воздухе, пульсируя, словно живые сердца.

– Подходи по одному! – рявкнул голос Рагнара, Сына Бури, уже не в умах, а реальный, как удар топора по дубу. – Коснись шара. Он укажет твой путь!

Первым шагнул высокий юноша в богатом кафтане, вышитом золотыми нитями, с надменным лицом. Лука узнал его – Добрыня, сын новгородского посадника, один из тех, чьи отцы предали князя Мирослава. Он уверенно коснулся ближайшего шара. Шар вспыхнул ослепительно-золотым светом, вырвался из его руки и помчался к арке с символом молнии над надписью "Щит Перуна". За Добрыней потянулись другие "боярские щенки", как их назвал Святослав. Почти все их шары летели к "Щиту Перуна" или к "Пламени Сварожичей" – символу кузни и огненной магии.

Подошла девушка в одежде, напоминающей степной наряд, с каштановыми волосами, заплетенными в сложную косу. Она коснулась шара, и он засиял теплым, медовым светом, устремившись к "Сердцу Макоши" – символу плодородия, земли и судьбы. Лука заметил, как Веля, стоявшая неподалеку, смотрела на это с интересом.

– Наш черед, ладожанин, – толкнул его локтем Святослав. – Не трусь.

Мирон подошел первым. Его коренастая фигура напряглась, когда он коснулся шара. Тот вспыхнул ровным, стабильным желто-коричневым светом и плавно поплыл к арке "Кудесники Древа", над которой светился символ могучего дуба с переплетенными корнями и кроной.

– Корни и камни, – усмехнулся Святослав. – Тебе там место, Мирон. Моя очередь.

Святослав коснулся шара резко, почти вызывающе. Шар вспыхнул ярко-синим, как небо в ясный день, и стремительно рванул к арке "Ладья Стрибога", символом которой был стилизованный корабль под парусами-облаками.

– Ветра! – крикнул Святослав, довольный, и пошел за своим шаром. – Удачи, купец!

Лука остался один перед пульсирующими шарами. Сердце колотилось. Что, если шар почувствует его кровь? Что, если он вспыхнет княжеским золотом и унесет его прямо к "Щиту Перуна", в логово Добрыни и его приспешников? Он мысленно сжал образ своего "я": Лука, сын купца. Скромный. Осторожный. Незначительный. Он протянул руку. Пальцы коснулись прохладной, упругой поверхности шара.

Произошло нечто странное.

Шар не вспыхнул сразу. Он словно замер, задрожал. Лука почувствовал, как энергия шара устремилась в него, наткнулась на оберег на груди и... отскочила. Но не полностью. Часть ее просочилась, смешавшись с чем-то глубоко внутри него – с тем самым морем ярости и силы,

что вырвалось наружу при нападении волколаков. Шар засветился. Но не чистым цветом. Это был странный, мерцающий, глубокий изумрудно-черный свет, как свет в самой гуще древнего леса в безлунную ночь. Он был живым, глубоким, но... неясным. Шар медленно, неуверенно поплыл. Он не направился ни к "Щиту Перуна", ни к "Пламени Сварожичей". Он проплыл мимо "Сердца Макоши". Он замедлился у арки "Поток Велеса" (символ – стилизованная волна с глазом в центре), словно колеблясь, но не зашел. И наконец, так же медленно и неохотно, он направился к арке "Кудесники Древа", где уже ждал Мирон.

Лука почувствовал смешанное чувство: облегчение (не к боярам!) и досаду. "Кудесники Древа"? Содружество земной магии, оберегов, разговора с духами леса и камня? То, что нужно купеческому сыну для охраны товара? Да. Но этот странный, неопределенный свет... Он видел, как Велемудр слегка наклонил голову в его сторону. Ведунья Марена внимательно смотрела на него, ее зеленые глаза казались еще глубже. Он поспешил за своим шаром, чувствуя на спине тяжелые взгляды.

Под аркой "Кудесников Древа" царила атмосфера, отличная от Главного Круга. Воздух был гуще, пах сырой землей, смолой и сушеными травами. Свет лился не сверху, а как будто излучался самими стенами, покрытыми живым мхом и лишайниками, светящимися мягким зеленоватым светом. Здесь уже собралось человек двадцать новичков. В основном – крепкие парни и девушки, похожие на детей крестьян или мелких ремесленников, в простой одежде. Несколько человек выглядели побогаче – дети купцов поменьше, наверное, или младших дружинников. Мирон стоял у стены, кивнул Луке. Ни Добрыни, ни его блестящей свиты здесь не было. Лука снова почувствовал облегчение. Он был среди "незнатных". Среди тех, на кого бояре смотрят свысока. Идеальное прикрытие.

Их встретил невысокий, коренастый мужчина с добрым, морщинистым лицом и руками, покрытыми старой землей, будто он только что вышел с пашни. На нем был простой холщовый балахон, перетянутый веревкой. Но его глаза... они были невероятно спокойными и глубокими, как лесные озера.

– Добро пожаловать под сень Корней, новобранцы Древа, – сказал он тихим, но удивительно четким голосом. – Я – Боян, ваш Корневод. Не ждите здесь блеска молний или огненных шоу. Наше Содружество – про силу, что скрыта в камне, в корне, в тихом шепоте листьев. Мы учимся слышать голос земли, понимать язык деревьев, договариваться с духами леса и камня, плести обереги из трав и корней. Наша магия – терпение, внимание и уважение. Здесь вы найдете не славу, но крепость. Не скорость, но глубину. За мной.

Он повел их по коридору, больше похожему на корневой туннель огромного дерева. Стены были неровными, покрытыми живой зеленью. Иногда мимо пробегали маленькие, похожие на шишки, существа с горящими глазками – Домовички академии, шептался кто-то. Они вышли в просторный зал с высоким, сводчатым потолком, напоминавшим крону дуба. В центре зала росло настоящее, огромное дерево, его ветви уходили в каменный потолок, а корни оплетали каменный пол. Вдоль стен стояли длинные столы из грубого дуба. Это была Общая Пиршественная для "Кудесников Древа".

– Это ваш Корень, – объявил Боян. – Здесь вы будете есть, обсуждать уроки, отдыхать. Ваши кельи – в ответвлениях. Найдите свободные. Завтра на рассвете – первый урок. Спите. Завтра вы начнете учиться слушать мир.

Новички разбрелись, осматриваясь. Лука выбрал небольшую келью в дальнем "ответвлении" зала. Она была аскетичной: каменное ложе, покрытое овчиной, маленький столик, полка. Ничего лишнего. Он сбросил вьюк, сел на ложе. Рука под грязной повязкой ныла. Усталость навалилась, как камень. Но в голове бушевали мысли. Велемудр. Его пронизательный взгляд. Странный свет шара. Веля – он видел, как ее шар унесло к "Сердцу Макоши". И Добрыня. Он был здесь, в Академии. Враг. Сын убийцы. Лука сжал кулаки. Он был на месте. Врата захлоп-

нулись позади. Путь к мести начинался здесь, среди корней и тихих духов, в Содружестве тех, кого бояре презирали. Он достал оберег. Он был теплым.

"Выжить. Учиться. Найти союзников", – прошептал он наказ Гостомысла. И добавил про себя, глядя на темный камень кельи: "И сокрушить их всех". Первый шаг был сделан. Завтра начнется настоящая битва.

Глава 3: Первые Заклинания и Первые Враги

Рассвет в Корне "Кудесников Древа" был не ярким пробуждением, а медленным просачиванием. Свет, не солнца, а самого камня и мха, начинал мерцать в стенах, разгоняя сонную прохладу. Лука проснулся от тихого шороха – маленький Домовичок, похожий на ожившую шишку с мохнатыми лапками, возился у его ног, поправляя сбившуюся овчину. Существо чирикнуло что-то неразборчивое и скрылось в щели между камнями.

Рука под чистой, но простой повязкой (ее наложил вечером сам Боян с помощью какой-то липкой, пахнущей медом и сосной мази) ныла тупой болью, напоминая о волколаках и о вспышке силы, которая до сих пор жила в нем тревожным угольком. Он встал, потянулся. Сегодня начиналось настоящее обучение. Путь к силе.

Общая Пиршественная уже наполнялась запахом ржаного хлеба, парного молока и дымка от очага, где варилась каша с лесными травами. Новобранцы "Кудесников", включая Мирона и еще нескольких человек, которых Лука запомнил вчера – рослую девушку Ольгу, дочь гончара, и тихого парня Леха, сына охотника – сидели за длинными столами. Атмосфера была сдержанной, но не враждебной. Здесь не было показного богатства или высокомерия, царившего в Главном Кругу. Здесь были те, кто привык работать руками и чувствовать землю.

– Спал, купец? – окликнул его Святослав, появившийся словно из ниоткуда. Он выглядел выпавшимся и довольным, хотя его келья была в "Ладье Стрибога". – У нас вчера ветер в коридорах выл так, что думал, крышу сорвет! Весело! А у вас тут... тихо. Как в могиле.

– Спал, – коротко ответил Лука, накладывая себе каши в глиняную миску. – Рука болит.

– Заживет, – махнул рукой Святослав. – Главное – не скучать. Говорят, сегодня у вас Боян будет учить слушать камни. Ха! А у нас – первый урок управления воздушными потоками. Надеюсь, хоть до потолка поднимусь! Увидимся на обеденной площади? Посмотрим, кто кого перещеголяет! – И он умчался так же стремительно, как появился.

Лука улыбнулся про себя. Энергия Святослава была заразной. Он сел рядом с Миромом, который молча копался в каше.

– Что думаешь про нашего Корневода? – спросил Лука тихо.

– Сильный. Не мышцами. Знает землю. Чувствует ее. Нам бы так научиться. – Он ткнул ложкой в камень пола. – Вот настоящая сила. Терпит все. И время, и глупость людскую. Мирон поднял глаза, в которых светился спокойный ум.

Лука кивнул. Он смотрел на грубые дубовые столы, на мох на стенах, на живое Древо в центре зала. Сила в тишине. В терпении. В корнях. Это было не то, о чем он мечтал, представляя себе магию – огненные шары, молнии. Но Гостомысл был прав: любая сила полезна. И сила земли, умение прятаться, сливаться, чувствовать... это могло стать его оружием.

После скромного завтрака Боян повел их не в класс, а на "Поляну Корней" – открытое пространство под самым сводом Корня, где каменный пол уступал место настоящей земле, покрытой мягким мхом и окруженной причудливо изогнутыми каменными "корнями", образующими естественные скамьи. В центре поляны лежал огромный, покрытый лишайником валун.

– Садитесь, – просто сказал Боян. Он сам сел на землю, скрестив ноги, и положил ладони на мох. – Сперва – тишина. Не внешняя. Внутренняя. Заткните шум мыслей, тревог, желаний. Дышите. Чувствуйте землю под собой. Она живая. Она дышит. Она помнит все.

Лука попытался последовать совету. Он закрыл глаза, сосредоточился на дыхании. Но мысли лезли в голову: Добрыня, Велемудр, странный свет шара, боль в руке, оберег, жгущий грудь... Он чувствовал лишь жесткую землю под собой и зуд повязки.

– Не боритесь с мыслями, – прозвучал тихий голос Бояна. – Наблюдайте за ними, как за облаками. Пропускайте. Ищите под ними... Жилу.

"Жила". Энергия земли. Магический поток. Гостомысл упоминал это, но Лука представлял себе нечто вроде подземной реки света. Он пытался "увидеть" ее внутренним взором, напрягаясь. Ничего. Только тьма за веками.

– Не глазами, – снова Боян. – Кожей. Ладонями. Ступнями. Чувствуйте вибрацию. Тепло. Или прохладу. Тонкое движение.

Лука расслабил ладони, лежавшие на коленях. Он перестал ждать и просто слушал ощущениями. Сперва – только холод земли. Потом... что-то. Едва уловимое. Как легкая пульсация. Теплая волна, идущая из глубины, расходящаяся по мху, касающаяся его пальцев. Она была слабой, едва заметной, но она была! Настоящая! Его сердце екнуло. Он открыл глаза. Боян смотрел прямо на него и едва заметно кивнул. Мирон рядом сидел с закрытыми глазами, на его лице было выражение глубокого покоя. Ольга хмурилась, сосредоточившись. Лех... Лех почти слился с землей, его дыхание было едва заметным.

– Хорошо, – сказал Боян. – Кто почувствовал Жилу – запомните это ощущение. Это первый шаг. Теперь – камень. – Он положил руку на валун в центре поляны. – Камень – дитя земли. Он спит глубоко. Но и в нем течет Жила, медленно, веками. Попробуйте его коснуться. Не рукой. Своим чувством. Послать ниточку вашего внимания к его сердцу. Услышать его сон.

Лука осторожно подошел к валуну. Он положил ладонь на шершавый, холодный камень. Закрыв глаза. Снова поймал едва уловимую пульсацию под ногами – Жилу поляны. Попытался представить, как тонкая ниточка этого ощущения тянется от его ладони внутрь камня. Сперва – только холод и шероховатость. Потом... глухой, отдаленный гул. Как эхо далекого обвала. Или биение огромного, каменного сердца. Оно было бесконечно медленным, тяжелым. И бесконечно древним. Камень хранил память о временах, когда здесь не было ни леса, ни людей. Лука почувствовал головокружение от этой глубины и вечности. Его собственная жизнь, его месть, его боль – казались пылинкой на весах времени. Он отдернул руку, как от ожога. Сила земли была огромной, но она требовала смирения, которого в его сердце, пылающем обидой, пока не было.

– Тяжело, да? – услышал он голос Бояна. Наставник стоял рядом. – Камень не спешит открываться. Он проверяет. Настойчивость и уважение – ключи. Запомнил вибрацию? Гул?

– Да, – выдохнул Лука. Его ладонь все еще ощущала холодное эхо.

– Это начало. Теперь – к практическому. Обережная вязь. – Боян достал из складок своего балахона пучок сухих, но удивительно гибких стеблей зверобоя и тонкую, прочную нить из крапивы. – Самые простые узлы. Узел Жизни и Узел Защиты. Каждый виток, каждый перехлест – это запечатанное намерение. Ваша воля, ваше чувство Жилы – вот что дает им силу.

Он показал два простых, но очень специфичных узла. Лука, привыкший к купеческим узлам на тюках, ловил каждое движение. Он взял стебли, ощущая их шероховатость, запах лета и сухих полей. Попытался повторить. Пальцы путались. Намерение? Он пытался вложить в узел желание защиты. Но в голове снова мелькали волколаки, их клыки, страх. Узел получился корявым, неровным.

– Не спеши, – мягко сказал Боян, поправляя его пальцы. – Защита – это не только страх перед опасностью. Это любовь к тому, что защищаешь. К жизни. К миру. Или хотя бы к себе самому. Найди это чувство.

Лука закрыл глаза. Любовь? К чему? К свергнутому отцу, которого он почти не помнил? К Гостомыслу, который скрывал его? К этой Академии, полной опасностей? Он нашел только ярость и боль. И... оберег на груди. Тот самый, что спас его. Тепло от него разлилось по груди. Он представил это тепло, эту силу, вплетающуюся в стебли зверобоя. Его пальцы двинулись увереннее. Узел получился крепким, симметричным. Боян взял его, подержал в руке и кивнул.

– Лучше. Чувствуется искра. Но пока слабая. Практикуйся.

Послеобеденное время было отведено для "общих" уроков – тех, что посещали все Содружества вместе в большом амфитеатре, вырубленном в скале под открытым небом и названном "Вечевой Ямой". Именно здесь Лука впервые столкнулся с Добрыней лицом к лицу.

Предмет назывался "Основы Магической Теории". Преподавал суховатый, пожилой волхв по имени Чурила, который монотонно вещал о "потоках стихий", "узлах силы" и "духовных ипостасях". Лука сидел рядом с Мироном и Лехом, стараясь запомнить как можно больше. Его сосредоточенность была прервана громким смешком и шепотом сзади.

– Смотри-ка, Добрыня, "корневые черви" собрались. Думают, лекции им помогут вырастить магию из навоза?

Лука обернулся. За ними, на скамьях повыше, сидела группа "боярских" из "Щита Перуна". В центре, развалившись с напускной небрежностью, сидел Добрыня. Его кафтан из тонкой византийской шерсти синего цвета с серебряным шитьем кричал о богатстве и статусе. Рядом – его "свита": пара таких же надменных юношей и две девушки, смотревшие на Добрыню с обожанием. Один из парней, шуплый, с острым лицом, указывал пальцем в их сторону.

– Особенно этот, с перевязанной лапой, – продолжал остряк. – Видать, корень не тот потрогал, вот и укусили. Или в драке с дворовым духом проиграл?

– Оставь, Сновид. Не стоит грязь на сапогах марать. Им тут место – в земле ковыряться. А мы... – он щелкнул пальцами, и между ними вспыхнула крошечная, яркая искра, – ... мы будем повелевать громом. Как наши отцы повелевают городами. Добрыня лениво ухмыльнулся, его глаза, холодные и насмешливые, скользнули по Луке.

Лука почувствовал, как кровь ударила в лицо. "Как наши отцы повелевают городами". И убивают князей. Рука сжалась в кулак под столом. Ярость, знакомая и опасная, закипала в груди. Он хотел вскочить, броситься на этого сытого, самодовольного... Но тут его взгляд упал на Мирона. Тот сидел невозмутимо, глядя прямо на Чурилу, будто не слыша насмешек. Только его могучие плечи были чуть напряжены. Лех съехался. Ольга нахмурилась, но тоже молчала.

"Выжить. Не выделяться". Голос Гостомысла прозвучал в голове как ушат ледяной воды. Сейчас драка – это позор, наказание и, возможно, разоблачение. Добрыня этого и ждал. Он хотел унижить, вывести на чистую воду, развлечься. Лука сделал глубокий вдох, разжал кулак. Он не даст ему этого удовольствия. Он найдет другой способ.

– Простите, вы ко мне? – спросил он громко, но спокойно, так, что его услышали соседи. – Что-то не расслышал. Лекция важная, о потоках. Не хотелось бы пропустить. Он повернулся к Добрыне и его свите. Не с вызовом, а с... вежливым, чуть недоумевающим выражением лица.

В его тоне не было ни страха, ни агрессии. Была вежливая отстраненность. Словно он говорил с назойливыми мухами. Несколько студентов, сидевших рядом, тихо захихикали. Сновид покраснел. Добрыня нахмурился. Его ухмылка сползла. Он ожидал страха или злобы, а получил... равнодушие? Или хитрость?

– Молчи, купеческое отродье, – прошипел Добрыня, но уже без прежней уверенности. – Знай свое место.

– Стараюсь, – вежливо ответил Лука и повернулся обратно к Чуриле, всем видом показывая, что разговор окончен. Он чувствовал на себе колющий взгляд Добрыни, но не оборачивался. Сердце бешено колотилось, но это была не только ярость. Это была первая маленькая победа. Он не поддался. Он использовал не кулак, а ум. И заставил Добрыню выглядеть глупо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.